

Поместье на фоне бала казалось особенно тихим, даже малейший шум многократно усиливался. В коридоре, где никого не должно было быть, слышались уверенные шаги, сопровождаемые протяжными стонами юноши.

Сэньбань пнул дверь комнаты и, словно обжёгшись, швырнул Юй Бая на пушистую мягкую кровать.

— Жар... ко... —

Хрупкое тело юноши, словно лёгкая бабочка, подпрыгнуло на матрасе. Мягкие чёрные волосы растрепались, упав на лоб, на кончике носа выступили мелкие капельки пота.

Он высунул язык и облизал свои ярко-алые губы, расфокусированным взглядом уставившись на мужчину. Продолжая жаловаться на жару, он принялся расстёгивать свой плотно застёгнутый белый фрак.

Воротник жемчужно-белой рубашки широко распахнулся, открывая нежную шею. Впадинка и тень на ключице выглядели особенно соблазнительно, так и хотелось впиться зубами, разрушив эту красоту.

Глотка Сэньбаня дёрнулась. Острые глаза пристально впились в покрасневшие щеки Фэня и влажные от пота чёрные пряди, и тут он понял, что что-то не так.

Он легонько похлопал юношу по лицу:

— Очнись! Фэнь?

Фэню, казалось, было приятно прикосновение пальцев Сэньбаня. Он замурлыкал, как котёнок:

— Помоги мне... Мне так плохо.

Мужчина изо всех сил сдерживался, голос его охрип:

— Ты уверен?

Юноша знал только, что умирает от боли и согласен на что угодно, лишь бы стало легче.

— Хочу...

— Ты сам это сказал, — усмехнулся Сэньбань. Он безжалостно сжал тонкую талию юноши, зелёные глаза стали непроглядно тёмными. — Потом не пожалей.

...

Ночь становилась всё темнее, бал подходил к концу.

Гости, слегка захмелев, покидали поместье парами. Гавин вместе со слугами прибрал зал и только после этого, усталый, отправился отдыхать.

Сейчас было самое тёмное время перед рассветом.

Юноша, утоливший свою страсть, спал, уткнувшись половиной лица в подушку.

Сэньбань хоть и не был удовлетворён, но, помня, что Фэнь делает это впервые, сдержал желание и собрался принять холодный душ.

Внезапно он остановился на полпути.

Всё его тело словно раздробили, он, потеряв равновесие, рухнул на колени.

Человеческое тело не могло выдержать внезапно пробудившуюся огромную силу. Кости Сэньбаня издали звук, от которого сводило зубы, из пор сочилась кровь, капая на ковёр тонкими струйками.

Его кожа становилась то твёрдой, как камень, то такой мягкой, что рассыпалась от одного прикосновения. Упавшая на ковёр плоть начинала пускать корни и прорастать, гибкие лианы ползли по полу, заполняя всю комнату.

Длинные, пёстрые воспоминания сжались в несколько секунд и пронесли в голове. Сэньбань в муках схватился за голову, из горла вырвался звериный рык.

— Нет... Я не могу здесь оставаться...

Память, заполонившая разум, билась хаотичным потоком. В этом безумии Сэньбань всё ещё сохранял слабое сознание и помнил, что позади него — Фэнь!

Он боялся потерять контроль!

Это тело в состоянии пробуждения, пусть и израненное, обладало ужасающей силой. Убить изнеженного, хрупкого юного господина для него было проще, чем раздавить муравья.

Сэньбань попытался заменить свои постоянно дробящиеся и восстанавливающиеся ноги лианами.

Лианы на полу, хоть и выглядели как обычные растения, на самом деле были созданы из

божественной силы Сэньбаня, составляя часть его тела и подчиняясь его воле.

Лианы собрались вокруг мужчины, одна за другой обвивая его, и только в щелях ещё виднелись участки кожи, пропитанные кровью.

Хлоп —

Одна из лиан, усеянная листьями, хлестнула по ручке, ловко открывая дверь.

Эта жуткая фигура, похожая на монстра, замерла на пороге, обернулась, взглянула на безмятежно спящего юношу на кровати, а затем уверенно и медленно исчезла в коридоре, не привлекая ничего внимания.

Но все — от слабых до сильных Божеств, помимо людей, — ощутили пробуждение ещё одного могущественного Божества. Эта ужасающая божественная сила заставила их содрогнуться от чувства угрозы!

—

Юй Бай проспал до следующего утра. Проснувшись, он ещё не мог соображать.

— Мы с Сэньбанем... сделали это?

Всё тело ломило. Юноша вдруг осознал это, рывком сел, взвыл и, схватившись за попу, рухнул обратно.

— Мы правда это сделали??? Система, я ночью не вышел из образа?

Система молчала.

Юй Бай: ?

— Ты опять чем-то недоволен?

Система лишь тогда нехотя заговорила, но голос её звучал так, будто она пережила все тяготы жизни, которые превратили её, примерную систему, в развалину.

— Ты... ты знаешь, что я пережила прошлой ночью? Я всю ночь смотрела мозаику и слушала белый шум! У меня до сих пор в голове гудит.

Система схватилась за голову и зарыдала, жалея, что не запретила такое поведение заранее:

— Я забыла, что у нас, систем, есть настройки защиты личной жизни...

Значит, теперь, как только Юй Бай будет совершать какие-то неопиcуемые действия, ей придётся снова пережить прошлую ночь!

Разве этот парень Юй Бай способен ради жалости к ней сдержать свои порывы?

Нет, этот старый извращенец — не способен!

Стоило системе подумать, что ей теперь постоянно придётся смотреть мозаику, как она горько заплакала.

— Вот оно что. А я-то переживал, не развращу ли маленького. Ваш Главный Бог в этом плане очень человечен! —

Юй Бай одобрителъно хмыкнул. Не обращая внимания на протесты системы, он откинул одеяло и осторожно встал:

— Пойду приму ванну. Хотя Сэньбань, кажется, меня уже обмыл, но без ванны всё равно некомфортно.

На юноше была только чистая белая рубашка, большая и свободная, небрежно висевшая на плечах, открывая шею и ключицы, покрытые засосами.

Он подполз к подоконнику, босые ноги ступили на ковёр. Ощущение прохладной, скользкой поверхности под ногами вызвало у него мурашки по всему телу — словно он наступил на змею!

— Змея?

Но в его комнате каждый день убирают горничные? И в это время года змей быть не может?

Юй Бай в недоумении поднял ногу, посмотрел — ковёр был пушистым, и ничего на нём не было.

Он осторожно наступил снова — мягкий кашемировый ковёр был тёплым. Наверное, показалось. Успокоившись, он взял висевший рядом плащ и накинул его.

Мелкими шажками он подошёл к двери, открыл её, наугад выбрал незнакомого слугу:

— Приготовь горячую воду, я хочу принять ванну.

Слуга быстро поклонился:

— Господин, горячая вода всегда готова.

В Кандингстоне не было горячих источников, и, чтобы принять ванну, приходилось заставлять слуг греть воду и наливать её в купальню. По комфорту это, конечно, уступало источнику, но всё равно было приятно.

Они ушли друг за другом. Примерно через четверть часа в тихой спальне что-то высунуло голову из-под кровати —

Это оказался зелёный росток лианы!

Его кончик был слегка приплюснут, словно на него только что наступили, и несколько листиков на стебле поникли.

QaQ Лиана была немного обижена. Она просто хотела приблизиться к тому красивому юноше — у него был такой приятный, ароматный запах.

Очень-очень нравится.

Пока никого не было, лиана подцепила пиджак Юй Бая, оставленный на стуле, быстро утащила его под кровать и послушно обвила его, замерев.

Купальня в поместье была маленькой, пустой, только каменный бассейн и деревянная вешалка.

Сейчас шестеро или семеро слуг таскали ведрами горячую воду, от бассейна поднимался пар.

Когда горячую воду залили, туда добавили немного холодной. Проверив температуру, Юй Бай выгнал всех слуг, которые должны были помогать ему мыться, закрыл дверь, быстро разделся и прыгнул в бассейн.

Горячая вода хорошо сняла усталость с тела. Когда вода начала остывать, Юй Бай, с покрасневшимся от пара лицом, оделся и вышел.

Было около десяти утра, Юй Бай проголодался.

Утром он ничего не ел, вчерашние закуски давно переварились. Теперь, когда телу стало хорошо, голод напомнил о себе.

Но ничего страшного, как знатный юный господин, он мог есть, когда захочет.

Наслаждаясь обильным обедом, Юй Бай заодно позвал старого дворецкого и спросил, как идут сборы.

— Когда можно выезжать?

Старый дворецкий ничего не знал о событиях прошлой ночи, думая, что Юй Бая отправил отдыхать виконт Уэнбо. Он ответил:

— Всё готово, господин. Если вы торопитесь, можно выехать завтра.

Завтра.

Юй Бай подумал немного. Днём он ходит к Сэньбаню, мозолить глаза, а завтра уехать — самое то.

— Сообщи Мелвиллу, что выступаем завтра. И да, после обеда я хочу сам покормить Элис. Пусть Сэньбань приготовит свежей травы и бобовых лепёшек. Моя Элис не может всё время есть сухую траву.

Заставить самого Капитана рыцарей косить траву — это каприз, который вполне мог озвучить господин Фэнь.

Но Гавин помрачнел:

— Господин, капитан рыцарей Сэньбань с утра исчез. Может, я отправлю кого-то другого?

Сэньбань часто уезжал из поместья на охоту. Раньше господин никогда не спрашивал о нём, поэтому Гавин не докладывал на этот раз. Но неожиданно господин сегодня именно его и назвал.

Юй Бай нахмурился.

— Он же только что вернулся, куда он опять собрался? — К тому же, у них только что была связь, а Сэньбань сбежал???

Этот пёс! Боится ответственности?

— Ладно, не буду кормить!

Юй Бай махнул рукой, приказывая служанкам убрать посуду. Подперев щёку рукой, он

смотрел в окно и чем больше думал, тем страннее ему казалось:

— Тун-эр, ты видела прошлой ночью, как уходил Сэньбань?

— Ты, балда, я же сказал, что у меня перед глазами была мозаика! Будешь ещё спрашивать — я тебя побью! — голос системы, полный ярости, внезапно оборвался.

Помолчав десять секунд, она уставилась на информацию перед собой, и её голос задрожал:

— Я ослепла? У Сэньбана пробуждается Божественное Тело...

— Чёртов хозяин, боюсь, ты не сможешь взять его с собой. Сейчас он полубог, его тело нестабильно. Если будешь рядом с ним — можешь случайно погибнуть.

Пробуждение Божественного Тела? Вот оно что!

Юй Бай сообразил: должно быть, у Сэньбана прошлой ночью началось Пробуждение Божественного Тела. Испугавшись, что ненароком уничтожит Юй Бая, он сбежал, не оставив никаких известий.

Иначе, судя по их отношениям, Сэньбань не мог бы поступить так, будто ему ничего не было!

Видя, что Юй Бай довольно спокоен, система удивилась:

— Ты не злишься?

— Чего тут злиться? Он был вынужден уйти, не попрощавшись. Небось, как же он будет обо мне скучать! Когда его Божественное Тело полностью пробудится, он в восьми случаях из десяти бросится раз узнавать, где я. К тому же, когда я вырасту, я пойду в Теологическую академию. Неужели я не найду способа приблизиться к Божеству?

Логично. Система, послушав рассуждения Юй Бая, часто закивала:

— В мире людей есть поговорка: чем ближе, тем хуже, чем дальше, тем милее. Может, когда Сэньбань уйдёт, он будет думать только о твоих достоинствах...

Стоп! Система залепила себе пощёчину. Какие у этого отброса могут быть достоинства!

Юй Бай, по-прежнему подперев щеку, сидел с бесстрастным лицом, но в душе радостно вторил системе.

— Да-да, и подумай: затащить в постель Божество — это же круто! Даже в романах такого не пишут! Хи-хи-хи-хи...

Гавин ждал несколько минут, видя, что молодой господин замолчал, словно о чём-то задумавшись.

Он проследил за взглядом господина —

За окном седой старик садовник учил своего преемника подрезать сухие и больные ветки. Преемник был нестарым, с простоватым лицом. Хотя он был немного неуклюж, его улыбка — крупные белые зубы — подкупала.

Старик садовник потрепал его по взлохмаченной голове, не смог рассердиться и тоже улыбнулся.

Старый и молодой, их лица казались отцовскими и сыновьями.

Гавин мысленно вздохнул.

Господин, наверное, тоже когда-то завидовал чужому отцу...

Граф Эдель дал господину много богатства, но ни разу не приезжал в Поместье Роз. Каким же остался образ отца в сердце господина?

<http://bllate.org/book/20365/2036849>